

И. Л. Маяк

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА РИМСКОГО ПОЛИСА

С ПОЯВЛЕНИЕМ критического метода в историографии начало римской истории стало проблемой. Гиперкритики превратили ее в проблему неразрешимую. В наше время благодаря расширению источниковедческой базы и, в первую очередь, введению в научный оборот данных археологии и лингвистики историки вновь обратились к изучению исходных рубежей Рима. В 50—60-х гг. нашего века вышло множество публикаций, исследовательских статей и книг о возникновении Рима. Введенный в науку новый археологический материал происходит из Лация, Южной Этрурии и — что особенно важно — собственно Рима. Свежие археологические данные¹, а также лингвистические исследования², позволили историкам подойти к переоценке античной традиции, что привело в целом к отказу от гиперкритических воззрений³, и вся совокупность новых или заново переосмысленных материалов разнородных источников составила определенный фундамент для реконструкции древнейшего периода римской истории.

Среди «традиционных» вопросов, составляющих проблему происхождения Рима, нужно назвать топографию, хронологию, этнографию, историчность римских царей, значение этрусского элемента, характер римского государства. Особое значение в последнее время приобрел вопрос о хронологии. Для нашей темы он также очень важен. Прежде всего, надо сказать, что расширилось само понятие «древнейшего» Рима. Если в первой половине XX столетия точкой отсчета римской истории был X век до н. э., то теперь приходится учитывать следы заселения современного города с конца первой половины II тыс. до н. э., т. е. по крайней мере с XVI в. до н. э.⁴ Это вновь поставило перед учеными задачу периодизации истории древнейшего Рима. Ведь долгое время «древнейший Рим» и царский Рим были синонимами. При этом последний понимался как Рим городской. Так, по очень показательному утверждению Т. Моммзена, древнейший Рим «был скорее совокупностью городских поселений, чем цельным городом»⁵. Такая формулировка подчеркивала изначально городской характер

¹ H. Müller-Karpe, Zur Stadtwerdung Roms, RM, 1962; E. Gjerstad, Early Rome, I—II, Lund, 1953—1956.

² G. Devoto, Gli antichi Italici, Firenze, 1936; E. Peruzzi, Origini di Roma, I—II, Firenze, 1970; Bologna, 1973.

³ ВДИ, 1972, № 3, стр. 214—220; A. Momigliano, An interim Report on the Origins of Roma, JRS, III, 1963, pars 1—2, стр. 95—121.

⁴ E. Gjerstad, Legends and Facts of Early Roman History, Lund, 1960—1961; M. Pallotino, Le origini di Roma, «Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt», Bd. I, T. I, B.—N. Y., 1942.

⁵ Т. Моммзен, История Рима, I, М., 1936, стр. 54.

будущего центра Италии и Средиземноморья. Что же касается первобытного состояния общества, то оно связывалось обычно не столько с Римом, сколько с населением Италии.

Разработка периодизации истории царской эпохи началась с попыток выделить определенные стадии в развитии города — сначала из ядра на Палатине, а затем, благодаря раскопкам конца XIX — начала XX в., на Эсквiline, Квиринале и Форуме, из древнейших поселений на указанных трех холмах⁶. Так, к началу XX столетия окончательно утверждаются понятия догородского и городского Рима древнейшего времени. Параллельно в науке возникает деление царской эпохи на время латинских (или латино-сабинских) и время этрусских царей, из которых исторической личностью признавали вначале лишь Тарквиния Гордого⁷, а в середине нашего века — каждого из последних трех царей⁸. Правления этих царей, принадлежавших, по мнению большинства исследователей, к этрусской династии, характеризуются, прежде всего, урбанистической деятельностью. Это стало теперь общим местом в науке, и вместе с тем надо отметить, что фактически ученые понимают урбанизацию по-разному. Э. Гьерстад, внесший в археологическое изучение раннего Рима вклад, который трудно переоценить, видит в этруском урбанизме именно (или даже исключительно) строительство города — городских укреплений, зданий, — городское благоустройство, в частности мощение форума, которое он датирует временем около 575 г. до н. э.⁹ Эта дата, по его мнению, может рассматриваться как рубеж между догородским и городским периодом и, вместе с тем, как дата основания Рима (т. е. Ромулова Рима).

Этой «археологической», несколько упрощенной концепции противостоит представление о длительном процессе формирования и развития города и городской цивилизации¹⁰. Особенно четко высказал свое несогласие с представлением об «одноактном» характере возникновения римского города-государства М. Паллотино. Он справедливо назвал ошибкой стремление Гьерстада придать 575 году до н. э. значение даты основания города — в том смысле, как оно и понималось античной традицией. Осмысление этой даты как начала царского Рима влекло за собой передатировку всей царской эпохи, так что правление этрусской династии оказывалось в границах между последней третью V в. и 450 г. до н. э. Заметно, кстати, что в отношении начала Республики к середине V в. до н. э. Гьерстад следовал за К. Анедь, стараясь доказать археологическим материалом высказанную им в 1946 г. мысль¹¹.

Согласно М. Паллотино, 575 г. тоже был важным годом в истории древнейшего Рима, как бы кульминационным моментом процесса урбанизации, но приходится он уже на правление Сервия Туллия. М. Паллотино подчеркивает, что, как показывают археологические данные, еще с конца XII в. до н. э. развивается не просто городское, но уже полисное объединение, иными словами, наступает период цивилизации¹². Таким

⁶ А. И. Н е м и р о в с к и й, История раннего Рима и Италии, Воронеж, 1962, стр. 210 сл.

⁷ И. В. Н е т у ш и л, Обзор римской истории, Харьков, 1912, стр. 22.

⁸ Н. А. М а ш к и н, История древнего Рима, М., 1950, стр. 107; В. Н. Д ь я к о в, История римского народа в древнейшую эпоху, М., 1947, стр. 44; С. М. Ф г а н з е г о, *The Life and Times of Tarquin the Etruscan*, L., 1960.

⁹ G j e r s t a d, *Early Rome*, I, стр. 44; он же, *Innerpolitische und militärische Organisation in frühromischer Zeit, «Aufstieg...»*, стр. 136—186.

¹⁰ R. B l o c h, *Tite Live et premiers siècles de Rome*, P., 1966, стр. 42, 44; он же, *Les origines de Rome*, P., 1971, стр. 57—59, 67; F. D e M a r t i n o, *Storia della Costituzione Romana*, I, Napoli, 1958, стр. 45, 75; A. v o n G e r k a n, *Zur Frühgeschichte Roms*, RhM, Bd. 100, № 1, 1957, стр. 88—89.

¹¹ Там же, стр. 84.

¹² P a l l o t i n o, *Le origine...*, стр. 32—33.

образом, для М. Паллотино в центре внимания оказывается вопрос не о догородской и городской фазах Рима, а о процессе складывания полиса.

Проблема формирования городской цивилизации и полиса — это проблема социально-политическая. Поэтому в исследованиях, ведущихся в ее русле, уделяется, в той или иной степени, внимание характеристике хозяйства, общества и надстроечных явлений. Однако стремление к более или менее четкой периодизации истории древнейшего Рима с точки зрения социального его развития проявлялось только в советской науке. Вслед за Ф. Энгельсом советские ученые считают, что переход к классовому обществу и государству в Риме совпадает с периодом правления Сервия Туллия. Советские историки, хотя и по-разному, стремились показать, что социальный строй царского Рима не был статичным, а развивался от родового общества через стадию его разложения, к началу классовых отношений и формированию государства. Однако этот процесс рассматривался лишь в самых общих чертах¹³.

Становление классовых обществ и образование государств — важное звено в истории древнего мира. В нашей историографии уделялось внимание не только установлению общих закономерностей в развитии явлений, но и специфике их в разные периоды и в разных странах. Так, рассматривая переход к классовому обществу в античном мире сравнительно со странами древнего Востока, обычно обращали внимание на то, что родовую общину во втором случае сменяет сельская территориальная община, составившая основную социальную единицу на Востоке, а в первом — полис. Это противопоставление содержится и у В. С. Сергеева¹⁴, и у О. В. Кудрявцева, подчеркивавшего разницу в формах собственности на Востоке и в античных обществах, для которых характерно возникновение полиса¹⁵. При сопоставлении с Востоком под античностью в указанных работах имелось в виду античное Средиземноморье в целом, преимущественно же — древняя Греция. Специально, но тоже кратко, об Италии и Лации в этой связи упоминает лишь О. В. Кудрявцев¹⁶, а о Риме — С. Л. Утченко¹⁷ и более бегло Ф. М. Нечай¹⁸.

Благодаря обогащению науки новыми данными об Эгеиде III—II тыс. до н. э. с 50-х годов нашего века советские ученые стали дифференцированно рассматривать вопрос о переходе от родового строя к классовому обществу в Средиземноморье. Во «Всемирной истории» отмечено, что сельская община, сменявшая кровнородственную, выступает в двух формах — восточной и античной¹⁹, причем античности свойственно раннее разложение сельской общины²⁰. Но в более конкретных ее аспектах проблема сельской

¹³ В. С. Сергеев, Очерки по истории древнего Рима, ч. I, М., 1938, стр. 37; Н. А. Машкин, История древнего Рима, М., 1950, стр. 109—111; 113—115; Дьяков, ук. соч., стр. 30—31, 44, 49, 67; «История древнего мира», под ред. В. Н. Дьякова и С. И. Ковалева, М., 1962, стр. 460—471; Н е м и р о в с к и й, История раннего Рима в Италии, стр. 152, 234; Ю. И. Семенов, Как возникло человечество, М., 1966, стр. 221; «История древнего Рима», под ред. А. Г. Бокшанина и В. И. Кузицина, М., 1971, стр. 48—51; Ф. М. Нечай, Образование Римского государства, Минск, 1972, стр. 64, 94; С. Л. Утченко, Пидерон и его время, М., 1972, стр. 23.

¹⁴ В. С. Сергеев, История древней Греции, изд. 2-е, М., 1948, стр. 140; изд. 3-е, М., 1963, стр. 124.

¹⁵ О. В. Кудрявцев, Эллинические провинции Балканского полуострова во II в. н. э. М., 1954, стр. 6—7; о н ж е, Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим вопросам древней истории, М., 1957, стр. 260, 261, 265, 267, 270, 272; см. также «Древняя Греция», М., 1956, стр. 3.

¹⁶ Кудрявцев, Исследования..., стр. 274, 277, 282.

¹⁷ С. Л. Утченко, Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики, М., 1952, стр. 9—11.

¹⁸ Нечай, ук. соч., стр. 7—8.

¹⁹ «Всемирная история», т. I, М., 1955, стр. 11—12.

²⁰ «Всемирная история», т. II, М., 1956, стр. 660.

общины, в частности Греции предполисного периода, изучена еще недостаточно²¹.

Гораздо лучше в отечественной науке обстоит дело с проблемой полиса. Было дано определение полиса, была охарактеризована его экономическая и социальная основа, исследована проблема кризиса полиса в греческих и особенно римско-италийских условиях²². Однако вопрос о формировании античного полиса затрагивают лишь С. Л. Утченко, отметивший разницу в путях развития полиса греческого и римского, и Е. М. Штаерман, замечая, что разложение первобытнообщинного строя, предшествовавшего античности, «шло обычным путем». В качестве хозяйственных и социальных единиц Е. М. Штаерман вслед за С. Л. Утченко называет родоплеменные и территориальные общины. Последние «в незапамятные времена были объединены в города»²³. Но какой характер носили эти территориальные общины и как города соотносились с полисами, она не уточняет. Возможности развития сельских общин в полисы касаются Е. С. Голубцова, И. С. Свенцицкая и А. Г. Перихания²⁴. Однако объектом их внимания является позднеэллинистическое и императорское время. Напротив, в выступлении на дискуссии по проблемам родовой и сельской общины К. М. Колобова подчеркнута, что при переходе к классовому обществу сельская община могла и не существовать²⁵. Еще более определенно эта точка зрения выражена у Ф. М. Нечая, считающего, что римский синойкизм объединил родовые поселки²⁶. Итак, если относительно античного полиса вообще и применительно к Греции и эллинистическому миру, в частности, проблемы генетических связей полиса затрагивались, пусть в самом общем виде, то для Рима как такового этот вопрос в нашей науке ставился лишь в самом общем плане и совсем еще не исследован.

Для уточнения наших представлений о процессе формирования Римского государства важно выяснить, как перешел Рим к полисной организации, иными словами говоря, выросла ли полис из разлагающихся родовых общин непосредственно или через стадию сельской общины. И для той, и для другой постановки вопроса, нам кажется, можно найти свои основания.

²¹ Мельком упомянута сельская община гомеровской эпохи в учебном пособии К. М. Колобовой и Л. М. Глускиной «Очерки истории древней Греции» (Л., 1958, стр. 53). В общей, за недостатком источников, форме говорится о переходе от родовой общины к сельской в Греции позднеэллинистического периода в книге Т. В. Блаватской «Ахейская Греция» (М., 1966, стр. 106). Об общине как исконной форме объединения сельского населения Греции предполисного периода недостаточно подробно говорится и в новом издании учебника по истории древней Греции для университетов «История древней Греции» (изд. 2-е, под ред. В. И. Авдиева, А. Г. Бокшанина, Н. Н. Пикуса, М., 1972, стр. 167).

²² В. Д. Блаватский, Античный город, в кн. «Античный город», М., 1963, стр. 7—9; С. Л. Утченко, Кризис и падение Римской республики. М., 1965, стр. 3—5, 264, 265; О. В. Кудрявцев, К вопросу о кризисе полиса, в его кн. «Исследования...», стр. 361—366; он же, Эллинистические провинции..., стр. 6—15; Колобова, Глускина, ук. соч., стр. 74—79; Л. Н. Казанова, Полис, СИЭ, т. XI, стр. 271—272; Л. П. Маринович, Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса, М., 1975, стр. 3—6, 178—214, 244—272.

²³ Е. М. Штаерман, Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии, в сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1968, стр. 651.

²⁴ Е. С. Голубцова, Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—II вв. Независимая сельская община, М., 1966, стр. 148—181; А. Г. Перихания, Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в. до н.э.—III в. н.э.). М., 1959, стр. 45—47; И. С. Свенцицкая, Сельская община Малой Азии I—III вв. н.э., ВДИ, 1961, № 3, стр. 52.

²⁵ ВДИ, 1963, № 1, стр. 187.

²⁶ Нечай, ук. соч., стр. 7.

Как известно, родовая община сменяется территориальной. Переходной ступенью к территориальной общине служит община соседско-родовая²⁷. Территориальная община древности выступает в разных видах: и как соседская — сельская — и как городская — полис²⁸. Нам хотелось бы подчеркнуть здесь, что город и городская община, город и полис — не одно и то же, но что полис — община. Это отчетливо понимали сами древние. На это же с полной определенностью указывал К. Маркс в своей работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству». На этом специально останавливались советские ученые²⁹.

При определении общины надо учитывать то, что объединяет ее членов. И в сельском варианте общины, и в полисном присутствуют и единство территории, и определенная политическая организация, и обязанности производственного (орошение или дренажирование земли), военного (участие в войнах, в создании оборонительных сооружений) и религиозного характера, и, главное, наличие общей земли, точнее коллективная собственность или коллективное владение землей, в зависимости от конкретно-исторических условий существования общины.

Так, на древнем Востоке сельская община, как гражданская организация свободных и полноправных людей³⁰, — основной действительный земельный собственник. У римлян и греков наряду с частным участком существует *ager publicus*, общеполитическое распоряжение которым реализуется по-разному (пользование общими выгонами, раздел доходов с Лаврийских рудников между гражданами афинского полиса, оккупация общенародной земли, раздел резервного земельного фонда между колонистами и т. д.). Но наряду с полисами в эллинистическое и императорское время существует соседская сельская община. Даже в тех условиях, когда сельская община не входит в коллектив полноправных граждан, как, например, в Малой Азии в эллинистическое и римское время или в завоеванной Италии до Союзнической войны, она не только сохраняет организацию, общность прав и обязанностей как внутри своего коллектива, так и в отношении покорителей, но и выступает как коллективный владелец земли, номинально принадлежащей покорившему ее государству, и даже как фактический собственник по крайней мере части этой земли³¹. Последнее на почве Италии наглядно проявляется в том факте, что в Велейской таблице упоминаются земли, принадлежащие народу, а также земли, относящиеся к *ager publicus populi Romani* и другие (например, колонистов Луки — *CIL, XI, 1147*). По-видимому, *compascui*, которыми обладали, как доказано Э. Серени³², и *vici* и *pagi* в Лигурии раннеимператорского времени, и были частью этой фактической земельной собственности доримского

²⁷ Тезисы докладов и сообщений XIV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, вып. II, М., 1972, стр. 167.

²⁸ См. К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, стр. 464—467, 470—471.

²⁹ Блаватский, ук. соч., стр. 7—9; Колобова, Глускина, ук. соч. стр. 74; Утченко, Кризис..., стр. 3—15.

³⁰ И. М. Дьяконов, *Община на древнем Востоке*, ВДИ, 1963, № 1, стр. 33, он же, *Основные черты древнего общества, «Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока»*, М., 1971, стр. 132.

³¹ Е. С. Голубцова, *Сельская община Малой Азии III в. до н. э. — III в. н. э.*, М., 1972, стр. 30, 31, 76; она же, *Очерки социально-политической истории...*, стр. 32—34, 39, 42. Указанное положение прослеживается в истории фракийцев (Т. Д. Златковская, *Возникновение государства у фракийцев*, М., 1972, стр. 90) и балканских общин, доживших до нового времени — см. Ю. В. Иванова, *Северная Албания в XIX — начале XX в. Общественная жизнь*, М., 1973; Е. М. Штерман, *Мораль и религия угнетенных классов Римской империи*, М., 1961, стр. 34—35.

³² E. Sereni, *Comunita rurali nell'Italia antica*, Roma, 1955, стр. 401 сл.

населения, пережившей период, когда исконное население не было включено в состав римского гражданства.

Следовательно, община древнего мира может быть охарактеризована как коллектив полноправных или неполноправных граждан, объединенных общностью территории и коллективной собственностью на землю. И поскольку важнейшей чертой любой территориальной общины являются коллективные формы земельной собственности (или по крайней мере земельного владения), вопрос о генетических основах общины полисного типа связан с вопросом о генезисе *ager publicus*. Применительно к древнейшему Риму и эта проблема фактически еще не поставлена.

Несмотря на кажущееся обилие источников по истории древнейшего Рима, дать полный ответ на поставленные здесь вопросы не представляется возможным. Тем не менее, мы попытаемся наметить пути их решения и высказать некоторые предположения.

Итак, что же предшествовало римскому полису? Прежде всего, обратимся к археологическим данным и их хронологии. Находки, относящиеся к эпохе халколита и бронзового века, состоят из керамики апеннинского типа, каменных и медных орудий и оружия, а также бронзовых предметов. Значение этих находок определяется тем, что они показывают обширный район первичного заселения, расположенный на *Forum Boarium*, возможно, на Палатине, на южном склоне Эсквилина и восточных склонах Квиринала и Виминала³³, т. е. в пределах древнейшего города. Характер находок, а также отсутствие следов сколько-нибудь монументального строительства позволяют думать, что население этого периода находилось на уровне первобытности.

Рудименты этой стадии развития сохранились в обрядах и установлениях более позднего времени. В частности, в ритуале фециалов по заключению мира *pater patratus* должен был заклать жертвенную свинью каменным ножом, оговаривая его применение в специальной формуле³⁴. Весталки восстанавливали пламя потухшего священного огня с помощью зажигательного зеркала или трения³⁵. К тому же почетный и независимый статус весталок напоминает об обществе с иным положением женщины, чем в Римском государстве. Члены коллегии салиев облачались в медные пояса и шлемы, держали в руках медные палочки и охраняли медный щит, *ancile*³⁶. По словам Макробия (*Sat. V, 19*), вообще во многих религиозных церемониях применялись медные предметы.

Кроме множества хорошо изученных³⁷ примитивных элементов в римской религии, отражавших первобытную стадию, пройденную римским населением, обращают на себя внимание сведения античных авторов о практиковавшихся некогда римлянами человеческих жертвоприношениях и убийствах лишних и больных детей и стариков. О принесении в жертву богине Мании детей сообщает Макробий (*Sat. I, 7*). Избавление от «ненужного» потомства подтверждается приписываемым Ромулу распоряжением воспитывать все мужское потомство и лишь первородных дочерей, за исключением калек (*Dion. Hal., II, 15, 35*). Убийством девочек справедливо объясняет Э. Перуцци ограничение женских имен в форме числительных порядковым *Quarta*³⁸. Весьма показательна в этой связи и судьба близнецов, Ромула и Рема.

³³ G j e r s t a d, *Legends...*, стр. 6—8.

³⁴ L i v, I, 24,9; *saxo silice*; F e s t., v. *Feretrius: lapidem*.

³⁵ F e s t., v. *Ignis*; P l u t., *Numa*, 13.

³⁶ L i v., I, 20,4; O v., *Fest 3, 377*; P l u t., *Numa*, 13.

³⁷ А. И. Н е м и р о в с к и й, *Идеология и культура раннего Рима*, Воронеж, 1964; Дж. Ф р э з е р, *Золотая ветвь*, М.—Л., 1931; P. De F r a n c i s c i, *Primordia civitatis*, Roma, 1959 гл. III; G j e r s t a d, *Legends...*, стр. 9—13.

³⁸ P e r u z z i, *Origini...*, I, стр. 128.

Не чем иным, как заменой человеческой жертвы, являются *sasta Aegonium*, состоящие в ежегодных сбрасываниях со свайного моста понтификами 24 деревянных кукол, обряженных в мужское платье³⁹. О той же замене свидетельствует и толкование *piscatori ludi*, данное Фестом. У грамматика Нония со ссылкой на «*Vita populi Romani*» Варрона дается объяснение фразе: «*sexagenarios per pontem mittendos male diu popularitas intellexit*», заключающееся в том, что шестидесятилетних граждан освобождали от общественных дел. По верному замечанию Э. Перурдци⁴⁰, это толкование явилось результатом неприемлемости древнего обычая в императорском Риме с его уважением к старости. Однако сквозь стыдливую трактовку просвечивает жестокая реальность первобытности, которая именуется римскими авторами *mos maiorum*⁴¹.

Что касается раннего железного века на территории Рима, то археологические материалы тут богаче и разнообразнее, чем для халколитической и бронзовой эпохи. Благодаря предпринятым еще в начале нашего века раскопкам Дж. Бони, затем Д. Вальери, продолженным потом С. М. Пульизи, П. Романелли, А. Давико, Г. Мюллер-Карпе, Э. Гьерстадом и др.⁴², был создан, по меткому выражению М. Паллотино⁴³, скелет наших познаний об этом времени.

Археологические свидетельства состоят не только из погребений с их инвентарем, но и следов жилищ. Погребения находятся на Палатине, Эсквилине, Квиринале и на Форуме в зоне арки Августа и храма Антонина и Фаустины. Всего сейчас обнаружено около 200 погребений. Могилы расположены в более низменных местах между вершинами холмов — в овраге, разделяющем Гермал и Палатуал на Палатине, на плоскости, отделяющей Опий от Циспия на Эсквилине, под квиринальской возвышенностью, Лацаром, а также под северной вершиной на том же Квиринале. Это говорит о наличии поселений на высотах указанных холмов⁴⁴. Кроме того, обнаружены следы оснований хижин на двух вершинах Палатина — в северо-западном углу его, на Гермале, и в юго-западном, на Палатуале⁴⁵, а также вдоль *Sacra via* и на Форуме около фундамента *Equus Domitiani*.

Прежде чем приступить к анализу археологических данных, характеризующих эти селения, необходимо сделать оговорку, касающуюся датировки поселков, а также хронологического соответствия их некрополям. Существуют две точки зрения на время появления культуры раннего железа в пределах Рима. Г. Мюллер-Карпе на основе аналогии римского погребального инвентаря с протовиллановианскими предметами из Тарквиний, а также Вей⁴⁶ относит его к X в. до н. э., а Э. Гьерстад — к VIII в. до н. э., основываясь на наличии позднегеометрической греческой керами-

³⁹ Liv., I, 21,5; Varro, L. l. V, 45; VII, 44; Ov., Fast. 5, 621.

⁴⁰ Peruzzi, Origini..., I, стр. 126.

⁴¹ Cic., P. Rosc. 35, 100.

⁴² Notizie degli Scavi, 1902—1911; G. Pinza, Monumenti primitivi de Roma e del Lazio antico, «Monumenti antichi dei Lincei», v. XVI, 1905; P. Romanelli, Problemi archeologici e storici di Roma primitiva, «Bullettino di Paletnologia Italiana», n. s. IX, v. 64, 1954/55, стр. 257—260; G. Carretti, Tomba arcaica a cremazione scoperta sul Palatino, там же, стр. 261—276; E. Gjerstad, La stratigrafia e più antichi materiali archeologici nella zona dell' arco di Augusto, там же, стр. 277—297; S. M. Puglisi, Sepolcri di incinerati nella valle del foro Romano (seconda relazione), там же, стр. 299—322; Müller-Karpe, ук. соч.; Gjerstad, Early Rome...

⁴³ Palotino, Origini..., стр. 26.

⁴⁴ Gjerstad, Legends..., стр. 15; V. Salletta, L'evoluzione della «civitas» nella res publica Romana, Roma, 1959, стр. 3; G. Giannelli, S. Mazzarino, Trattato di storia romana, v. I, Roma, 1953, стр. 95—96.

⁴⁵ Gjerstad, Legends..., стр. 15—16; Bloch, Tite Live, стр. 38.

⁴⁶ H. Henckens, Tarquinia and Etruscan Origins, L., 1968, стр. 28—67; R. Pintoni, Italien. Urgeschichtliche Kulturen, RE, Supplbd. IX, Stuttg., 1962, стб. 262; Palotino, Origini..., стр. 30.

ки⁴⁷. Наиболее убедительным представляется все же мнение М. Паллотино, который говорит о переходе от одной фазы развития материальной культуры к другой без существенных перерывов, с сохранением элементов предыдущей ступени, с сосуществованием новых элементов со старыми. Он датирует начало железного века Рима IX в. до н. э.⁴⁸, что, в общем, подтверждает традиционную датировку основания города. Иначе говоря, в противовес Э. Гьерстаду, относящему ранние поселения эпохи железа к догородскому слою и видящему начало царского Рима в переходе к урбанизму, т. е. в 575 г. до н. э., М. Паллотино считает, что следы указанных поселений в общем подтверждают датировку основания Рима Ромулом (или царями, воспоминания о которых спрессовались в имени Ромула), которую мы находим в античной традиции. При этом М. Паллотино предупреждает, что это — не только датировка Варрона, т. е. 754/753 г. до н. э., ставшая каноническая, но и Тимея — 814/803 г. и Цинция Алимента — 728/727 г. до н. э.⁴⁹.

Вместе с определением времени указанных поселений важно отметить, что некрополь Форума хронологически соответствует поселению на Палатине. Это доказывается керамикой, найденной в 1954/1955 г. Каретони в могиле под палатинским «домом Ливии», идентичной по форме и орнаменту той, что была открыта еще Бони в погребениях Форума⁵⁰. Инвентарь этого комплекса — наиболее древний. Однако, по крайней мере для VIII в. до н. э. (I фаза по Гьерстаду), характерны общие морфологические и стилистические особенности предметов, обнаруженных в могилах Палатина, Эсквилина и Квиринала, что позволяет говорить о синхронности поселений на этих холмах⁵¹, во всяком случае в VIII в. до н. э.

Как же жили древнейшие поселенцы Палатина? Напомним, что следы оснований хижин в туфовом грунте показывают, что хижины были квадратными или круглыми и, вероятно, выглядели как урны-хижины, во множестве найденные в погребениях Рима, в районе Альбанских гор и Южной Этрурии. Это были глиняные мазанки на тростниковом и деревянном каркасе. У прямоугольных домов дверь выходила на торцовую сторону, слева от нее находилось окно, а перед ней ставились два деревянных столба, образовывавших нечто вроде портика. Размеры жилищ невелики. Основание хижины на Гермале — 4,9 × 6,5. (Значительно более поздняя хижина — около VII в., правда, уже близ Сан Джовенале, имела площадь 11,5 × 6,5)⁵². Тот факт, что между группами жилищ на Палатине находилось необитаемое пространство, где была расположена могила с кремацией, говорит о двух отдельных поселениях на этом холме.

Социальный облик их населения определить трудно. Судя по условиям местности⁵³, по пастушескому празднику Палилий, считавшемуся праздником основания Рима⁵⁴, по возможной этимологии Палатина от божества Палес, а также по находкам многочисленных костей быков, овец, свиней и лошадей, важное место в экономике этих древних поселенцев занимало скотоводство. В частности, уже тогда имело немалое значение коневодство, о чем свидетельствуют упоминание о всадническом войске при

⁴⁷ G j e r s t a d, *Legends...*, стр. 14; о н ж е, *Innenpolitische und militärische Organisation...*, стр. 137.

⁴⁸ P a l l o t i n o, *SE*, 28, 1960, стр. 11; о н ж е, *Origini...*, стр. 30—31.

⁴⁹ P a l l o t i n o, *Origini...*, стр. 31.

⁵⁰ G j e r s t a d, *Legends...*, стр. 14—15.

⁵¹ Там же, стр. 17; P a l l o t i n o, *Origini...*, стр. 26.

⁵² B l o c h, *Les Origines de Rome*, стр. 52; о н ж е, *Tite Live...*, стр. 36; *De F r a n c i s c i, Primordia...*, стр. 113; G j e r s t a d, *Early Rome, I*, стр. 45, 72, 118.

⁵³ На удобные пастбища и пастушеский образ жизни указывают D i o n. H a l., I, 79; 80, 84; V a r r o, *L. l. V*, 54; T i b u l l., II, 5, 25.

⁵⁴ T i b u l l., II, 5, 84; P r o p., IV, 4, 73—74.

Ромуле⁵⁵ и церемония *October equus*. Согласно Фесту, она состояла в том, что после бега на колесницах правая лошадь биги победителя приносилась в жертву Марсу. При этом голову коня отрубали, и за нее происходила борьба между «командами», участвовавших в ристаниях. Поскольку состязание происходило между *Sacra vienses* и *Suburanenses*, описанную церемонию следует относить ко времени до римского синойклизма.

Поселенцы скромных деревень выращивали зерновые, виноград и лен, занимались ремеслом, в том числе гончарным, которое носило характер домашнего производства. Пользуясь выражением Э. Гьерстада, «культурный партикуляризм», проявлявшийся в искусстве и ремесле разных деревень, соответствовал изолированности деревень на холмах⁵⁶. В общем, хозяйство было натуральным и примитивным. Но такая экономика, особенно убедительно реконструируемая по археологическим материалам, позволяя говорить об архаичности общества, не дает возможности более точно его охарактеризовать.

Картина социальной жизни может быть представлена лишь с привлечением данных нарративных источников. Но прежде чем обратиться к ним, выскажем одно общее соображение.

Не касаясь важного вопроса об этнической принадлежности древнейших поселенцев Рима, чему будет посвящено специальное исследование, отметим, что развитие от эпохи халколита вплоть до раннего железного века шло на территории притибрских холмов непрерывно⁵⁷. Поступательное движение материальной культуры позволяет предполагать более высокий уровень социальной организации жителей поселков Палатина, условно называемых Ромуловым Римом, и, по крайней мере, считать, что расцвет родового строя был уже позади. Попробуем теперь, учтя сказанное, проанализировать данные традиции. Конечно, это сочинения сравнительно поздних авторов, но осведомленных зачастую лучше, чем кажется современному исследователю (см. прим. 3). Осторожное и критическое отношение к каждому из их сообщений в отдельности позволяет выявить заслуживающий доверия материал.

Как известно, одна из вершин Палатинского холма называлась Гермалом. Этимологию этого топонима сообщает Варрон: *Germalus a germanis, Romulo et Remo* (Varro, L. 1. V, 54). Это объяснение затем повторит Плутарх (*Rom. III*). Однако здесь, нам кажется, — типичный пример осмысления ставшего непонятым названия с помощью привычных представлений, т. е. легенды о близнецах. Варрон был знатоком родного языка, автором обстоятельного труда «*De lingua Latina*». Поэтому мы можем доверять его этимологии, но только в первой ее части, а именно: «Гермал — от братьев». Иными словами, в названии Гермала могло сохраниться воспоминание о том, что населяли его родственники, братья, что на этом холме существовал родовой поселок. Но в условиях родового строя, когда расположенные поблизости селения все имели родовой характер, такое название было бы бессмысленным, так как не отличало бы этот поселок от других. Гермалом могли назвать холм и селение жители близлежащего, очевидно на том же Палатине, поселения, родовое единство которых было нарушено или разрушено, и они жили уже соседско-родовой или соседской общиной.

Античная традиция приписывает Ромулу множество реформ, персонализируя в нем социально-политическое развитие Рима и кумулируя в нем деятельность архаических правителей, вероятно, на протяжении не одного поколения. Одно из Ромуловых установлений вменяло в обязан-

⁵⁵ Liv., I, 13; Plut., Rom. XIII.

⁵⁶ Gjerstad, *Innenpolitische und militärische Organisation...*, стр. 38.

⁵⁷ Там же, стр. 137; Pallotino, *Origini...*, стр. 25.

ность родителям, как мы уже упоминали, воспитывать все мужское потомство и первых дочерей по крайней мере до трех лет. От новорожденных-калек разрешалось избавляться сразу, убедив, однако, в неполноценности ребенка пятерых своих ближайших соседей. Дионисий, рассказывая о необходимости в указанном случае обращаться к свидетелям, называет их родственниками, а именно соседями: πέντε ἀνδράσι τοῖς ἐγγύιστοῖς οἰκοῦσιν (Dion. Hal., II, 15, 40). Пять свидетелей — древнейшая норма, связанная с муниципацией, зафиксированная таким архаическим памятником, как Законы XII таблиц (VI, 1; 5 b), и вышедшая из употребления ко времени Дионисия. Это позволяет думать, что сообщение Дионисия включает в себе достоверный факт той глубокой древности, которая ассоциировалась в эпоху Республики со временем Ромула, и может служить указанием на существование в Риме предполисной поры территориальной, т. е. соседской сельской общины.

Ромулу же приписывается и учреждение *asylum*⁵⁸. Эта традиция весьма интересна в плане поставленного нами вопроса. Во-первых, она отчетливо отражает очень ранний хронологический слой римской истории, так как связана с рассказом об основании города исключительно молодежью, с воспоминанием о *ver sacrum*⁵⁹. Ведь убежище, как и похищение сабинянок, служило делу увеличения населения. Помещение *asylum* на Капитолии звучит анахронизмом — этот холм, по-видимому, был заселен позднее, чем Палатин и Эсквилин (по Э. Гьерстаду — не ранее VI в.; согласно М. Паллотино, — в VII в. до н. э.). Однако указанная неточность не может дискредитировать традицию об убежище, так как в Риме их, видимо, с течением времени стало несколько. Дионисий Галикарнасский (IV, 36) упоминает еще убежище Дианы на Авентине. Капитолий как место прибежища и убежища мог удержаться в воспоминаниях поздних писателей благодаря тому, что на этом холме находились наиболее древние и прославленные храмы.

Во-вторых, в сообщениях об *asylum* говорится, что прибегающие к нему принимались в общину. Именно после притока новых поселенцев Ромул начал «строительство» государства. Пришельцы, которых Ливий презрительно именует *ex finitimis populis turba*, толпой, стремившейся к перемене своего положения, принадлежавшей соседним народам, не были, конечно, родичами Ромуловых товарищей. Значит, и рассказ об *asylum* содержит указание на то, что Рим в эпоху Ромула не был уже родовым поселком, что в римском синойклизме участвовали уже, по-видимому, общины соседского типа.

Добавим несколько слов еще об одном обстоятельстве, являющемся уже бесспорным историческим фактом. Как доказал Э. Серени, в Лигурии II в. до н. э. — I в. н. э. существовали соседские сельские общины. Судя по неримским названиям деревень, упоминаемых в Велейской таблице (*Blondelia, Juanelius, Lubelius, Nitelius*), с типично восточнолигурийским суффиксом *-el*⁶⁰, сельские общины этого района Италии возникли до римского завоевания, пережиточно и устойчиво сохраняя свою организацию. Следовательно, соседские сельские общины были присущи древней Италии, по крайней мере в принадлежащих лигурам областях, включая Лаций, частью которого был Рим. О возможности ретроспективного использования приведенных выше данных говорят сообщения античных авторов. Ливий (V, 35, 2), упоминая лигуров, применяет к ним слово «*gentes*». Еще во II в. до н. э. апуанские лигуры жили деревнями (*vici*), имея лишь укрепленные поселки (*castella*), а не города (Liv., XXXIX,

⁵⁸ Plut., Rom. XX: Liv., I, 8.5; Diocass., 47, 19.

⁵⁹ Dion. Hal., I, 16, I; Fest., s. v.

⁶⁰ Sereni, Comunità rurali..., стр. 377.

32, 2). Страбон (V, 2, 1), опираясь на Посидония, и Диодор (V, 39) отмечают крайнюю примитивность культуры, особенно горных лигуров, даже по сравнению с соседними кельтами. Страбон называет их «совершенными варварами» (τελέως βαρβαροι — IV, 6, 4).

Дополним сказанное еще одним соображением, касающимся, правда, не Рима специально, а полиса вообще⁶¹. По наблюдению Аристотеля (Pol. I, 7), общественное развитие шло по линии: дом — деревня — полис. Не принимая, естественно, первой ступени этой трехчленной формулы — отправного пункта патриархальной теории, опровергаемой этнографическим материалом, следует все же с вниманием отнестись к остальному. Аристотель, изучивший более полутора сотен государственных образований древности, лично видевший и хорошо знавший как греческий, так и значительно более архаичный македонский мир, мог с полным основанием говорить, что полису предшествовала деревня, т. е. сельская (соседская, территориальная) община.

После приведенных данных из сочинений античных авторов и высказанных здесь соображений представляется целесообразным вернуться к археологическим свидетельствам об изолированных, сравнительно небольшого размера (в пределах 30 кв. м) хижинах. Сами по себе небольшие жилища еще не говорят безусловно об индивидуальном хозяйстве, развитой частной собственности и прочих элементах классового строя. Ведь при разрастании большой домовой общины на первых порах производственное единство ее членов сохраняется, обособляется только процесс потребления⁶², который и может выделить небольшую семью в отдельное помещение. Но наличие обособленных хижин и, напротив, отсутствие больших домов, соотвествующих большесемейным или домовым общинам, характерным, например, для южных славян и русских (задруга, огнище, печище, дым, дом), для кавказских и переднеазиатских народов⁶³ на стадии патриархального рода, в совокупности с вышесказанным может быть истолковано как показатель распада родового коллектива — распада, ведущего к появлению территориальных, соседских сельских общин. На точном определении социальной ячейки, обитавшей в римской хижине, мы сейчас останавливаться не будем, так как этот вопрос требует специального рассмотрения.

Выше уже было обращено внимание на то, что сельской, соседской общине присуща коллективная форма земельной собственности. Важно подчеркнуть также, что, как известно, если одной частью общинной земли пользуются отдельные семьи, то другой ее частью — весь коллектив в целом. Обычно это лес, река, пастбища. Такие угодья и должны были составить впоследствии *ager publicus* — во всяком случае какую-то его долю. Наше предположение находит опору в надписи *Sententia Minuciorum* (CIL, I, 2, 9) 117 г. до н. э., содержащей решение арбитров по поводу тяжбы между жителями Генуи и гражданами кастелла Лангенами за пользование землями, лежащими между указанными общинами. Земли эти названы общественными, но принадлежащими жителям Генуи, поскольку Витурии должны вносить *vestigal* за них в казну Генуи. Правда, Генуя — муниципий, а поселение Лангенов Витуриев — кастелл, т. е. оба — не сельские общины «классического» образца. Но оба — общины территориальные, первая — городского, а вторая и по своему происхождению,

⁶¹ На это обстоятельство обратил мое внимание С. Л. Утченко, памяти которого я приношу здесь дань благодарности.

⁶² М. О. К о с в е н, Очерки истории первобытной культуры, М., 1957, стр. 137.

⁶³ Там же, стр. 136—137; о н ж е, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 47, 88, 114; И в а н о в а, ук. соч., стр. 88; Н. Б. Я н к о в с к а я, Землевладение большесемейных домовых общин в клинописных источниках, ВДИ, 1959, № 1, стр. 137.

и по своей организации все же близкая к сельской соседской общине⁶⁴. Случай, зарегистрированный в указанной надписи, показывает тенденцию к слиянию общественных земель разных и различных по статусу общин в общий, коллективный земельный фонд, если их угодья граничили друг с другом. *Mutatis mutandis* можно представить себе аналогичное положение и на уровне возникающих соседских сельских общин. Однако, по-видимому, это не было правилом. На такую мысль наталкивает Велейская таблица, откуда явствует, что сельская территория вокруг Велейи, как издревле велось в Италии⁶⁵, делилась на округа — *pagi*, состоявшие из деревень — *vici*, имевших свои общественные земли. Подробно изучавший этот памятник Э. Серени⁶⁶ подметил, что структура велейского *ager publicus* была очень сложной: одна его часть принадлежала местному народу (*populus*), т. е. жителям пагов, другая, связанная с термином *res publica*, — муниципиям (например Луке), а третья, связанная со словами *Imperator noster*, в соответствии с фискальной практикой той эпохи, — римскому народу. Не менее интересное наблюдение сделал исследователь в отношении общественных пастбищ пагов и находящихся в их пределах деревень. Кроме *compascui* отдельных селений, были и *compascui*, принадлежавшие всему пагу (там же, стр. 400 сл.).

Из приведенных здесь сведений следует, что в условиях иерархии территориальных единиц *ager publicus* общин разного порядка не сливался воедино. В. И. Кузищин⁶⁷, также исследовавший Велейскую таблицу, подчеркивал, что Велейя, затерянная в Апеннинских горах, была медвежьим углом римской Италии, где пережитки старых отношений устойчиво сохранялись. Это обстоятельство позволяет допустить подобную картину и для римского синойкизма: у объединяющихся поселков могли сохраняться свои общественные земли, не сливавшиеся в единое коллективное угодье, а наряду с ними за счет включения незанятой территории вырастал новый *ager publicus*. Впрочем, в период римского синойкизма в условиях формирующегося римского полиса могли сосуществовать оба пути образования первичного *ager publicus*, органично дополняя друг друга.

Итак, в попытке представить древнейшую историю Рима мы прежде всего учли тот факт, что археологические изыскания вскрыли в сердце этого города следы халколитического и бронзового века. Это раздвинуло рамки древнейшего периода и заставило ученых вернуться к вопросу о датировке начала царской эпохи. По мнению М. Паллотино, ее начало совпадает с ранним железным веком. Наступление раннего железного века датируется Г. Мюллер-Карпе X в. до н. э., а Э. Гьерстадом — VII в. до н. э. Причем Э. Гьерстад относит царскую эпоху ко времени между 575 и 450 гг. до н. э. Нам кажется заслуживающей внимания критика данного положения со стороны М. Паллотино и его датировка начала царской эпохи IX в. до н. э. Мы разделяем также его взгляд на царскую эпоху как на длительный процесс развития Рима в направлении к полису. Но это требует уточнения.

Формирование полиса — социально-политическая проблема, связанная с проблемой перехода от первобытного общества к классовому. В общей форме она сформулирована лишь в марксистской, прежде всего советской науке. Однако вопрос о путях перехода к классовой стадии, к по-

⁶⁴ Sereni, *Comunità rurali...*, стр. 396.

⁶⁵ De Francisci, *Primordia...*, стр. 113 сл., 138 сл.; De Martino, *Storia della Costituzione...*, стр. 12, 44, 47.

⁶⁶ Sereni, *Comunità rurali...*, стр. 340.

⁶⁷ В. И. Кузищин, Римское рабовладельческое поместье II в.—I в. до н. э., М., 1973, стр. 18.

лису конкретно применительно к Риму еще не поставлен и не решен, хотя накопленный наукой материал дает уже известные возможности и для этого. Свидетельства археологического характера, в частности новые данные о наличии двух отдельных поселков на Палатине, сообщения античной традиции о первоначальном Риме, а также лигурийские надписи, фиксирующие наличие сельских общин, взятые в отдельности, не могут служить основанием для каких бы то ни было заключений. Но совокупность их, даже при всей недостаточности данных, побуждающей нас к осторожности и удерживающей от категорических выводов, позволяет все же наметить решение выдвинутой проблемы. Нам представляется возможным предположить, что римскому полису предшествовала стадия территориальной сельской общины. Видимо, в римском синоиклизме участвовали уже не родовые, а соседские сельские общины.

Это, в свою очередь, ставит перед нами второй вопрос — о формировании первоначального полисного *ager publicus*, т. е. коллективной земельной собственности. Ретроспективное применение эпиграфических лигурийских материалов II в. до н. э.— I в. н. э., отражавших очень архаические отношения, проливает свет на пути образования римского *ager publicus* и на его структуру. Можно по аналогии предположить, что коллективные земли объединявшихся поселков на притибрских холмах могли поступать в их общее распоряжение, но могли и оставаться в пользовании лишь прежних «хозяев». Сверх того, общие коллективные земли формировались за счет присоединения незанятых земель, а также за счет захватов. Таким образом, уже с самого начала структура римского *ager publicus* была очень сложной.

THE GENESIS OF THE ROMAN POLIS

I. L. Mayak

In the period of the later kings and the Republic Rome is generally regarded as a polis (*civitas*). The author, recognising the difficulties presented by the nature of the source material, takes up the question of the formation of this polis. Progress made in the fields of archaeology, linguistics and Etruscology has considerably modified earlier hypercritical views about the value of the ancient tradition and has produced an extensive specialist literature on the subject. A pre-city and a city stage in Rome's development have been distinguished and the view has been expressed that urbanisation represented a long process leading to civilisation, i. e. to the formation of the Roman *civitas*. The problem involved is a socio-political one, connected with the problem of the transition from primitive to class society. In its broad aspect it has been formulated before this by Marxist, in particular Soviet, historians. But the question as to the specific lines along which the transition to class society and the polis evolved in the case of Rome has not hitherto been directly posed, and this problem awaits solution.

The discovery of two settlements on the Palatine, the information embedded in the ancient tradition and certain Ligurian inscriptions attesting the existence of village communities of great antiquity suggest that on the territory of Rome the polis was preceded by the village community. In other words, the elements brought together by the Roman synoicism were not the kinship agglomerates of a more primitive stage but more advanced neighbourhood communities. In this connection there arises the question as to the origin of the polis *ager publicus*. Combining the testimony of the ancient authors and the epigraphical material, the author suggests the possibility that at the time of the synoicism the lands held collectively by individual settlements on the hills along the Tiber became their common possession, but the use of these lands remained the prerogative of the former «owners», i. e. the village collectives. There was, besides, land held in common by the whole new community, which land either had been unoccupied before or was acquired by conquest. Thus the structure of the evolving Roman *ager publicus* was complex from the very start.